

М. Н. Козовенко

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ БИОГРАФИИ С. И. ЗЛАТОГОРОВА (к 200-летию юбилею военно-медицинской академии)

Военно-медицинская академия, Санкт-Петербург

В ряде биографических материалов, посвященных профессору Семену Ивановичу Златогорову, содержатся отдельные неточности в изложении фактов его *сигнатур vitae*. Наиболее часто неправильно указывают дату рождения ученого, а также сведения о местах его научной, учебной и лечебной работы в 1901—1917 гг. Кроме того, во всех публикациях совершенно не освещались события последних (декабрь 1930 г.—март 1931 г.) месяцев его жизни, проведенных ученым в следственной тюрьме НКВД.

Среди материалов архивно-следственного дела по обвинению С. И. Златогорова в участии в контрреволюционной вредительской организации врачей-микробиологов, нами обнаружена его уникальная автобиография, написанная в следственной тюрьме НКВД. Ранее неизвестные сведения, приведенные в ней, подготовлены нами к публикации с проведением минимальной литературной и хронологической правки. Примечания публикатора помещены в круглых скобках.

Заключительная часть автобиографии в архивно-следственном деле отсутствовала. Отдельные сведения, имевшие отношение к этому периоду, были частично восстановлены нами на основе иных архивных документов и приводятся в конце статьи.

С. И. Златогоров, 1929 г.

Златогоров С. И. Автобиография. 4 янв. 1931 г.¹.

"Я родился 20 апреля 1873 г. в Берлине во время случайного пребывания там моего отца с матерью, искавшего заработка как сапожный подмастерье.

Отец, сын горшечника, был с детства отдан в учение к сапожнику в местечке Эйрагола Ковенского уезда той же губернии и затем в течение многих лет работал сапожным подмастерьем, как я его помню, когда мне было 8 лет.

Мать, дочь портного-кустаря того же местечка.

Кто в точности были родители родителей — не знаю. Знаю отлично, что это были бедные ремесленники, (приобретшие в этом) беднейшем еврейском местечке черты оседлости.

Из своего местечка отец переехал в г. Ригу (в 1878 г.). Здесь он прожил (до 1884 г.), занимался сапожным ремеслом сначала подмастерьем, затем кустарем-одиночкой.

В поисках лучшего заработка он поехал искать (счастья) по другим городам и осел в Ростове-на-Дону, где прожил до 1892 г. и служил приказчиком в кожевенных магазинах. Затем переехал в Варшаву, где жил до 1902 г., (работая) развозным приказчиком от обувных фабрик.

Однако материальная небеспеченность и отсутствие правового положения, как еврея, заставило его уехать (в 1902 г.) с дочерью 12 лет в Северную Америку, где он в Нью-Йорке работал агентом по кожевенной промышленности, по распространению товаров с фабрик. Тут он умер в 1918 или 1919 г. как и мать.

Сестра живет в Нью-Йорке, получила там юридическое образование и служит уже много лет в агентстве "Помощи туристам".

Я в детстве, благодаря малограмотности отца и безграмотности матери, сам себя воспитывал и после двухкратного экзамена с трудом попал в подготовительный класс гимназии в Риге, откуда на второй класс перешел в Таганрогскую гимназию, так как в Ростове-на-Дону я в гимназию не попал.

Учился до 4-го класса, а затем перешел в Ростовскую-на-Дону гимназию, которую окончил в 1891 г. с серебряной медалью.

Начиная с 4-го класса гимназии, я давал уроки и частично себя содержал.

В гимназии я считался способным, и очень рано, еще будучи в 4—5-м классе, мы с товарищами составили кружок для самообразования, где читали Писарева, Белинского, запрещенные произведения Толстого ("Крейцеров соната", "Воскресенье"), а дальше Бокля, Спенсера.

Только благодаря серебряной медали меня, как еврея, приняли в С.-Петербургский университет на естественное отделение (физико-математического факультета), каковой я предполагал окончить и затем идти в Военно-медицинскую академию, что было моей мечтой, так как академия считалась лучшей медицинской высшей школой в государстве.

Так как я учился в 1891—1892 гг. в университете на свои средства и давал уроки, то мой план окончить естественное отделение университета не мог быть выполнен, и я решил переходить в Военно-медицинскую академию, куда евреев не принимали.

Я в 19 лет от роду принял крещение в Варшаве, где у меня случайно оказались знакомые, знавшие священника, взявшегося меня "наставить". Я религиозным не был с детства и считал тогда, что если есть Бог, то один, везде один, и не придавал значения религии. В университете и дальше я всегда был неверующий.

Будучи в университете, я попал сразу в марксистский кружок товарищей, (из его состава сейчас стали известными) коммунисты: доктор Радин (из Наркомата здравоохранения, Комаров — Президент Академии наук и др., (а прочие) то умерли, то неизвестно, где находятся. (В этом кружке я тайно изучал марксизм. На первый курс ВМедА поступил в 1892 г. стипендиатом Морского ведомства².

Еще в первые годы (обучения в) академии я занимался в кружках, но потом с 3-го курса я всецело погрузился в учебу и науку.

Один из немногих студентов я писал ученую работу, за которую получил золотую медаль, но (мне), как Гольдбергу — бывшему еврею, выдали серебряную. Эта работа окончательно определила мою дальнейшую научную деятельность.

Академию я окончил в 1897 г. первым (по успехам с занесением на мраморную доску с именами лучших слушателей и награждением премией заслуженного профессора Буша), не взирая на частые придирки профессоров, как к бывшему еврею или прямо за фамилию "еврейскую". Все это, как и вся кочевая жизнь моего отца и наше бесправие, сделали из меня ярого противника царского строя.

По конкурсу я был оставлен при академии на 3 года для усовершенствования (с прикомандированием к Клиническому военному госпиталю) и выбрал себе специальность — бактериологию и заразные болезни, только что народившиеся специальности на первой, открывшейся в 1896 г. кафедре академии, которую занял С. С. Боткин³.

Три года я на ней проработал, сделал за это время много работ (защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицины в 1900 г.), но, когда надо было быть командированным за границу, меня академия не пропустила, потому что "Гольдберг". Это меня вывело из равновесия и, видя, что с такой фамилией нигде не будешь чувствовать равноправия, я переменил с высочайшего повеления фамилию на "Златогоров" в 1902 г.

¹ Следственное дело № 66484 по обвинению Златогорова Семена Ивановича. — Архив Управления ФСБ по Ленинградской обл. — 1931. — Т. 1, л. 70—74.

² Ежегодник Императорской Военно-медицинской академии на 1895—96 учебный год. — СПб., 1896.

³ Боткин С. С. (1859—1910 гг.), профессор кафедры заразных болезней с бактериологией в 1896—1899 гг.

Осенью 1900 г. ездил на два месяца за границу, отвозил в Швейцарию больного ребенка и был в Париже на выставке и в лабораториях у И. И. Мечникова

После трех лет пребывания при академии я должен был отправиться военным врачом за стипендию, кою я получал от академии, и за 3 года аспирантуры. Так как мои родители жили в Варшаве, я стал хлопотать о месте там же, и меня назначили в 1901 г. младшим врачом в Гвардейский Волынский полк (в этом полку С. И. Златогоров служил с мая по декабрь 1901 г.)⁴.

В Варшаву я ехал не наобло, так как в С.-Петербургском женском медицинском институте (ныне С.-Петербургский Государственный Медицинский университет им. акад. И. П. Павлова.) у проф. Заболотного намечалось с осени (того же) года место младшего ассистента⁵ при его кафедре бактериологии. А такое место в те времена освобождало от обязательной военной службы и реализовывало мою мечту работать научно.

За время 1899—1901 гг. я побывал с проф. Заболотным два раза на чумных эпидемиях (в Астраханской губернии и г. Царицыне) и, таким образом, уже пристрастился к эпидемиологии. С декабря 1901 г. я уже работал в С.-Петербурге у проф. Заболотного, непрерывно до 1920 г.

В 1902—1904 гг. я работал по чуме на форте Кронштадта.

В августе 1904 г. я был командирован медицинским департаментом в Персию во главе экспедиции для изучения холеры и проказы (с целью) предупреждения заноса инфекции к нам. Там я пробыл до зимы и летом 1905 г. опять был командирован в Персию, пробыв там шесть месяцев.

Данную в 1905 г. конституцию я встретил с радостью, был в Персии, но очень скоро увидел, что это только на бумаге и, по своим убеждениям, когда появились Думы, (стал) сочувствовать трудовикам. Ни в какую партию я не вступал, так как всегда боялся партийной дисциплины.

В Персии мною впервые были поставлены новые прививки против холеры, которые затем получили распространение и в России. После Персии я приобрел авторитет не только в чуме и холере, но и как самоотверженный работник. Я выпил холерную живую разводку, чтобы доказать (действенность) прививок. (Этот случай был) описан во "Враче" в 1905 г.⁶

Будучи крайне плохо обеспеченным и имея семью (жена, сын и дочь) при жаловании от 50 до 70 руб. в месяц, я вынужден был совмещать (работу в должностях штатного лаборанта и частного преподавателя ВМедА с заведованием бактериологической лабораторией городской детской больницы, в которой также состоял в 1905—1907 гг. ординатором заразного отделения)⁷. Служа в детской заразной больнице, я хорошо познакомился со скарлатиной и стал работать по (этой детской инфекции, начиная), с 1904 г.

За годы с 1901 и далее моя работа шла как в направлении бактериологии у проф. Заболотного, так и в направлении клинических заразных болезней у профессора Военно-медицинской академии Чистовича⁸, где я с 1903 г. уже был приват-доцентом по кафедре заразных болезней.

После Персии мои работы пошли в области холеры, чему способствовал ряд холерных эпидемий в С.-Петербурге в 1907—1911 гг., где я заведовал холерной городской бактериологической лабораторией и (состоял) в С.-Петербургской Комиссии по борьбе с холерой вместе с проф. Заболотным.

В 1911 г. (стала) вакантной кафедра заразных болезней в Военно-медицинской академии, я имел все права, но меня академия не пропустила (бывший еврей, царский режим)⁹.

В этом году я получил кафедру бактериологии в частном Психоневрологическом институте С.-Петербурга и отправился

⁴Послужной список младшего врача Лейб-Гвардейского Волынского полка доктора медицины Гольдберга. — Архив музея истории Воен.-мед. акад. — Фонд С. И. Златогорова, д. 1.

⁵Правильное название этой должности — штатный лаборант.

⁶Это описание в комплекте журнала 1904—1905 гг. нами не обнаружено, однако сведения о нем имеются в соответствующем отчете о командировке.

⁷Протоколы заседания конференции Императорской Военно-медицинской академии за 1910—1911 учебный год. — СПб., 1912.

⁸Чистович Н. Я. (1860—1926 гг.), терапевт, один из основоположников клиники инфекционных болезней в России и СССР.

⁹Конкурсная комиссия, ознакомившись с научными трудами и биографическими данными нескольких кандидатов на указанную должность, в том числе и С. И. Златогорова, отдала предпочтение приват-доценту академии В. А. Юревичу, потомственному дворянину православного вероисповедания.

в составе экспедиции Заболотного в чумную экспедицию в Китай, где пробыл три месяца.

С 1911 г. я стал разрабатывать вопросы изменчивости микробов, в какой-либо области работаю до сих пор, считаясь специалистом.

Когда началась война, я был командирован Земским Союзом на фронт как консультант по заразным болезням, а в 1915 г. — на Волгу для борьбы с сыпным тифом. В последней области пришлось много работать научно в 1917—1922 гг., заведую большой сыпно-тифозной больницей и проводя прививки против.

Февральскую революцию 1917 г. я встретил восторженно, надеясь, что (на) этот раз навсегда будет положен предел царской России и установится демократический строй. Во время своих работ на эпидемиях 1906—1910 гг. я неоднократно выступал против тогдашнего режима и требовал установления демократического строя. (Сведения об этом опубликованы) в "Отчете о командировке в Саратов". — "Врачебная газета", 1907—1908.

Однако политика Временного правительства, не выполнявшего обещаний, очень скоро показалась мне негодной, как шатавшаяся, и совершенно ясно было, что нужна твердая власть в виде диктатуры.

Когда пришел Октябрьский переворот, я к нему отнесся выжидательно, (наблюдая) насколько он сдержит свои обещания и будет прочен.

Во время Октябрьских дней я был профессором Психоневрологического института и ассистентом Женского медицинского института в Петрограде, и, как могут засвидетельствовать тогдашний ученый секретарь проф. А. С. Гинзберг, директор и декан проф. Лихачев, я вместе с другими преподавателями непрерывно работал, разве только был перерыв на несколько дней из-за уличных демонстраций.

По мере укрепления Советской власти углублялась и ширилась моя работа в разных областях советской медицины.

В 1918 г. я был поставлен в Петрограде заведующим здравотделом Северных коммун тов. Первухиным во главе Комиссии (по) борьбе с испанкой, а затем и (другими) эпидемиями.

Я выезжал в Новгородскую губернию для изучения испанки и организовал ряд врачебных собраний в Петрограде (с целью) привлечения внимания широкой общественности и врачей к большим бедствиям.

Когда в 1902 г. я получил две заразные кафедры в Петрограде¹⁰, моя работа буквально потонула в сыпном тифе и холере. Через мои руки прошло много тысяч больных. Осенью того же года я был командирован Военно-санитарным управлением на Южный, так называемый Врангелевский, фронт вместе с проф. В. А. Оппелем для борьбы с заразными болезнями. Провыв там два месяца, я получил письменную благодарность за работу.

В 1923 г. у начальника ВСУ РККА З. П. Соловьева возникла мысль о разделении кафедры заразных болезней в бактериологией, мной занимавшейся, на две самостоятельные. Военно-медицинская академия и я были против этой реформы, о чем я письменно и лично говорил З. П. Соловьеву, мотивируя это тем, что исторический опыт существования кафедры за 25 лет показал целесообразность такой нераздельной кафедры.

З. П. Соловьев меня за это не взлюбил и велел все же кафедру разделить, обьявив конкурс.

Когда Конференция академии (в составе) почти всех профессоров представила меня первым кандидатом, З. П. Соловьев не допустил выборов, а назначил (заведующим) одной проф. Заболотного, а другой — проф. Стефанского. Я же, пробыв 4 года профессором, остался вне кафедры академии. Такое положение лишило меня возможности продолжать научные работы, так как работа в Женском медицинском институте была только учебной.

Я с радостью принял предложение Украинского Наркомата здравоохранения (о переезде) в Харьков (для заведования) Бактериологическим институтом¹¹, который пользовался репутацией хорошо обеспеченного и приборами, и работниками. Тем более, что наркомат здравоохранения Украинской ССР соглашался на расширение работ института по моим указаниям.

Я переехал в Харьков в июле 1924 г. и застал институт в состоянии слабой работы, в нем не было директора около 2 лет после ухода в Москву проф. Коршун.

За четыре с половиной года моего пребывания директором научной и производственной работа Харьковского бактериологического института значительно выросла, и он приобрел репутацию

¹⁰Имеется в виду назначение С. И. Златогорова заведующим кафедрой бактериологии с клиникой заразных болезней как в ВМедА, так и в Петроградском женском институте в марте — апреле 1920 г.

¹¹Имеется в виду Первый Украинский санитарно-бактериологический институт им. И. И. Мечникова.

мирового. Как раз в 1924 г. волна скарлатины и кори захлестнула Украину и СССР, все мое внимание было сосредоточено на этих болезнях. Оборудована специальная лаборатория экспериментального отделения, где были найдены микроб скарлатины и возбудитель кори, приготовлены предохранительные вакцины и лечебные сыворотки.

Научные работы, особенно (в области) скарлатины, привлекли к себе внимание всего научного мира, (подорвав господствовавшее тогда) американское учение об этой (инфекции). За (цикл) работ по скарлатине С. И. Златогоров (с сотрудниками) получил премию от Украинской АН.

Когда в 1927 г. в Донбассе и на Днепрострое начал развиваться брюшной тиф, эпидемиологический отдел института (приступил к) проведению прививок, для руководства (которыми) я выезжал в Донбасс.

Усиленное испытание и проведение прививок против дифтерии и туберкулеза в институте началось уже в 1924 г., когда их начали делать за границей, (причем охват населения последними) стоял на первом месте в СССР.

Впервые были в институте (осуществлены бактериологические исследования в области) трахомы, которые (послужили) дальнейшим подтверждением американского открытия Ноуши.

Необходимость иметь для военных надобностей специальные сыворотки против раневых инфекций заставила поставить их производство и изучение.

Однако сложность этого вопроса и малое знакомство института с ним (позволили) продвинуть (наши исследования) только в (направлении) предупредительной стадии, в 1929—1930 гг. предполагалось приступить и к подготовке сывороток. Одна из (последних) — противостолбнячная — готовилась и раньше.

Наконец, (отдельные сотрудники) института изучали пищевые отравления, обнаружив новые факты.

Кроме того, изучалось (значительное число) возбудителей кишечных (инфекций, что позволило) впервые в СССР применить бактериофаг в лечении брюшного тифа и дизентерии в Донбассе.

Под моим руководством изучалась изменчивость микробов, возбудитель мыта, возможность смешанной иммунизации.

В первые годы моего пребывания в Харьковском бактериологическом институте наркомат здравоохранения широко шел навстречу (этим) работам, но затем появилась тенденция (сокращения) его специальных средств, все мои ходатайства не имели успеха. В прежнем большом масштабе работать уже было нельзя.

Разросшийся институт при почти 150 работниках требовал большой и напряженной работы, которая тогда стала меня утомлять.

В 1929 г. история с выборами в Украинскую Академию Наук, когда меня отвели из-за моей записки, написанной в 1926 г. на английском языке в ответ (на запрос на украинском, что) было признано неуместным.

(Все эти причины) окончательно заставили меня уйти из Харькова в Ленинград, куда усиленно звали разные учреждения, например, Рентгенологический институт и Военно-медицинская академия.

Когда проф. Заболотный ушел из Военно-медицинской академии, группа ее профессоров и других школ Ленинграда представила меня на вакантную (должность профессора) кафедры (микробиологии с эпидемиологией и курсом дезинфекции). Представитель студентов (ВМедА) приезжал ко мне в Харьков в ноябре 1928 г., (чтобы) просить меня занять (ее).

Я согласился при условии не конкурса, а представления академии, (что и было) сделано. Представление считалось реваншем за обиду, мне нанесенную в 1924 г., и я считал для себя необходимым принять кафедру.

Однако, как раз осенью 1929 г., когда я должен был окончательно переехать в Ленинград, вступивший (в должность) нарком здравоохранения УССР тов. Канторович, хорошо знавший меня по работе с ним в Харькове по облздраву, по наркомату, заявил, что он меня отпустить не может.

(Канторович обещал) предоставить мне все возможности, изменить материальную базу института и стал хлопотать через Совнарком УССР перед Реввоенсоветом СССР о моем оставлении.

Нужно сказать, что перспективы при реорганизации наркомата здравоохранения УССР были для меня заманчивы, тем более, что в широких общественных кругах я пользовался большим весом, (занимая одновременно следующие должности): заместитель председателя Харьковского медицинского общества, член президиума Укрнауки, член президиума Научного украинского медицинского общества, член президиума медицинской секции Осовахима.

Когда в Харькове разыгрался показательный процесс захарей, подрывавших авторитет советской медицины, медицинское общество выставило меня общественным обвинителем по делу Ди-карева.

И в конечном итоге, мне было жаль бросать насиженную лабораторию, где шли работы по скарлатине, (которые) в Ленинграде я продолжать не мог.

Я переехал в Ленинград в декабре 1929 г. и начал работать в Военно-медицинской академии, а переговоры шли три месяца и окончились окончательным отказом РВСП меня отпустить¹².

Нами установлена хроника событий последних месяцев жизни проф. С. И. Златогорова.

В октябре 1930 г. по предложению отдела здравоохранения Мурманской железной дороги, консультантом которого он состоял, ученый выехал в командировку в район рабочих поселков треста "Апатит", находившихся в Мурманской области¹². Среди проживавших в этих поселках третий месяц продолжалась тогда эпидемия кори и брюшного тифа, в связи с которыми только детей погибло около 200.

Установленные С. И. Златогоровым причины возникновения данных эпидемий были ошеломляющими. На деле оказалось, что из 14 000 строителей и горняков этого заполярного треста всего только 4 000 являлись профессиональными работниками. Остальные 10 000 были так называемыми поселенцами, посланными в этот безлюдный край вместе со своими семьями. Около половины всех поселенцев составляли тогда дети и инвалиды.

В условиях Заполярья уже давно наступила зима, но поселенцы по-прежнему размещались в палатках и временных бараках, стены которых были толщиной всего в одну доску. Скудность живущих поселенцев оказалась чрезмерной. С. И. Златогоров установил, что на каждого жильца приходилось всего 0,75—1,0 м² общей жилой площади. Кроме холода и перенаселенности жилищ, была еще и третья причина возникновения эпидемий среди поселенцев — голод. Ученый был убежден, что поселенцы, включая их семьи, обречены на медленное вымирание, если администрацией треста не будут приняты действенные меры.

В качестве первоочередных из них проф. С. И. Златогоров отстаивал строительство нового, пригодного для жизни жилища, столовых, бань и больниц. Однако администрация треста выбрала другую тактику, которая заключалась лишь в своевременной замене убывающих в процессе эпидемий работников новыми их партиями, что способствовало только удержанию прежних темпов строительства рудника.

В результате С. И. Златогоров написал в Мурманский отдел здравоохранения подробную докладную записку, в которой он не только аргументированно отстаивал свою позицию, но и предостерегал, что пренебрежение к его предложениям способно привести к полной остановке добычи апатитов — стратегического сырья, закупавшегося до 1930 г. только за границей.

Однако остановка добычи апатитов на этом руднике, которую предрекал проф. С. И. Златогоров, так и не произошла. Напротив, администрации треста удалось одной ей известным способом довести добычу к концу 1930 г. до рекордных 300 000 т.

А 19 декабря 1930 г. С. И. Златогоров был арестован органами НКВД по обвинению во вредительской деятельности и до последнего дня своей жизни содержался в следственной тюрьме Ленинграда, находившейся на ул. Арсенальной.

Как свидетельствуют материалы его архивно-следственного дела, ученый в течение всего 1930 г. ни разу не находился где-либо на стационарном лечении, что в принципе служит показателем завидного состояния здоровья человека, которому через два года исполнилось бы 60 лет.

Однако уже к середине января 1931 г., т. е. спустя месяц пребывания С. И. Златогорова в тюрьме НКВД, его состояние здоровья начало прогрессивно ухудшаться¹³. Вероятной причиной этому являлись допросы и способы их проведения.

В течение второго месяца пребывания под стражей полученное им заболевание прогрессировало настолько стремительно, что спустя всего 2 нед после его возникновения больной С. И. Златогоров уже нуждался в ежедневном оказании ему неотложной врачебной помощи, проведение которой осуществлялось непосредственно в тюремной камере. А к середине февраля 1931 г. тюремным врачам приходилось дважды в день посещать камеру № 240, где содержался ученый¹⁴.

¹²Златогоров С. И. В Мурманский окрздравотдел (Докладная записка о командировке в трест "Апатит" 7—12 октября 1930 г.). — Музей истории Воен.-мед. акад. — Фонд С. И. Златогорова, д. 1.

¹³Следственное дело № 66484 по обвинению Златогорова Семена Ивановича. — Архив Управления ФСБ по Ленинградской обл. — Т. 1, л. 90—95, 150.

¹⁴Там же.

К этому же периоду относилось и признание С. И. Златогорова в совершении вредительских действий, в результате которого в его судьбе произошли существенные перемены. Впервые, с 19 февраля того же года он был отстранен от всех исполнявшихся им должностей в ВМедА и уволен из РККА в связи с арестом органами НКВД¹⁵. Во-вторых, с 27 февраля ученый был, наконец, переведен в тюремную больницу, находившуюся при том же следственном изоляторе. Там было установлено, что жизнь С. И. Златогорова еще могла бы быть спасена путем проведения срочной хирургической операции. Однако местные условия не допускали ее выполнения, поэтому и в больнице его болезнь продолжала прогрессировать, а состояние здоровья по-прежнему только ухудшалось¹⁶.

15 марта 1931 г., когда больной уже находился без сознания, в его больничной палате состоялся консилиум врачей, который констатировал, что благоприятное время для проведения операции уже упущено, а состояние С. И. Златогорова безнадежно. Тогда же у постели больного было установлено постоянное дежурство медицинской сестры¹⁷.

В полдень 17 марта 1931 г., когда не только врачам, но и следователям по делу С. И. Златогорова стало ясно, что последние часы жизни больного уже сочтены, было, наконец, получено соответствующее разрешение на его перевод из тюремного стационара в городскую больницу им. тов. Первухина (теперь НИИ скорой помощи им. И. И. Джанелидзе)¹⁸.

Обреченный на смерть профессор не был опасен в смысле возможного разглашения им тайны следствия, так как уже на-

¹⁵Архив Воен.-мед. акад., д. 16. — 1931.

¹⁶Следственное дело № 66484 по обвинению Златогорова Семена Ивановича. — Архив Управления ФСБ по Ленинградской обл. — 1931. — Т. 1, л. 149—154.

¹⁷Там же. л. 153

¹⁸Следственное дело № 66484 по обвинению Златогорова Семена Ивановича. — Архив Управления ФСБ по Ленинградской обл. — 1931. — Т. 1, л. 154.

ходился не только в бессознательном, но и в предагональном состоянии. До его смерти оставалось еще около 7 ч.

В больнице, куда поступил С. И. Златогоров, были приняты все возможные меры для спасения его жизни. После короткого консилиума, проведенного с участием проф. И. И. Джанелидзе, последний принял ответственное решение о выполнении умирающему ученому срочной операции, успех которой определялся лишь одним шансом из тысячи. Но и этот единственный шанс не был упущен¹⁹.

Операция прошла гладко. Но через несколько часов после ее завершения у истощенного больного началось резкое ослабление сердечной деятельности, из состояния которого его вывести уже не удалось. 17 марта 1931 г. в 20 ч. 20 мин. С. И. Златогорова не стало²⁰.

А еще через месяц (20.04.31) дело по обвинению С. И. Златогорова было производством прекращено и сдано в архив в связи со смертью подследственного.

С. И. Златогоров был одним из первых выдающихся ученых Военно-медицинской академии, погибших в застенках НКВД. За ним последовали многие видные ученые и педагоги, в том числе заведующий кафедрой биологической химии проф. М. Я. Галвяло (1875—1942 гг.), преподаватель кафедры организации и тактики медицинской службы, доктор медицинских наук П. И. Тимофеевский (1878—1943 гг.), а также десятки еще не успевших стать известными преподавателей, адъюнктов, слушателей.

Практически все из числа погибших в период репрессий были в последующем реабилитированы. Проф. С. И. Златогоров не дождался суда, а, следовательно, и не мог быть реабилитирован в дальнейшем. Однако его достойное уважения имя должно быть освобождено от налета клеветы, зависти и обычной человеческой глупости, следы которых еще содержатся в материалах его следственного дела.

Поступила 04.02.97

¹⁹Там же. л. 155—157.

²⁰Там же. л. 156.